

А. М. Сафронова

В. Н. ТАТИЩЕВ И ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ ДУХОВЕНСТВА В ГОРНО-ЗАВОДСКИХ ШКОЛАХ УРАЛА В 30-е гг. XVIII в.

Во второй период руководства заводами В.Н. Татищев проводил активную политику привлечения детей духовенства, проживавшего на территории горно-заводского ведомства, в школы, открытые им при казенных заводах. Эта политика шла вразрез действовавшему законодательству, предписывавшему обучать детей священников и церковнослужителей в школах духовного ведомства, которые действовали в центрах епархий при архиерейских домах. С территории Пермского края дети духовного сословия должны были учиться в Вятской школе, с остальной территории — в Тобольской. В литературе имеются лишь отрывочные упоминания об обучении детей духовенства в горно-заводских школах Урала в 30-х гг. XVIII в. Один из первых исследователей Н.В. Нечаев считал, что в латинской школе обучались дети иностранцев и высшего духовенства, в 1736 г. — всего 3 человека. Этот вывод он сделал на основе ведомости об учениках одного класса, не зная о существовании более многочисленных низших классов. Упомянул Н.В. Нечаев и об отправке 37 детей духовенства из Екатеринбургской латинской школы в Вятскую и Тобольскую в 1741 г. (правильно — в 1740 г.)¹. В.И. Будрин, сообщая об увольнении детей церковников из латинской школы в 1740 г., добавлял: «Неизвестно, было ли это вызвано соображениями экономии средств или исключительно настояниями духовенства»². Учитывая неизученность вопроса и уникальность действий Татищева по привлечению детей духовного сословия в школы горного ведомства, рассмотрим суть этой политики, практические действия этого видного деятеля просвещения, попытаемся ответить на вопрос о причинах этих действий и дать им оценку.

Перед отправкой в Екатеринбург в марте 1734 г. Татищев получил именную инструкцию, регламентирующую его действия в качестве начальника заводов. Не удовлетворившись проектом наказа, составленным президентом Мануфактур-коллегии Шафировым, Татищев, пользуясь расположением к нему Анны Ивановны, сам принял участие в составле-

нии инструкции, получившей силу закона. Как начальник заводов, Татищев наделялся «полной мочью», получал большие права по расширению сети казенных заводов и контролю за частными, должен был разработать ряд законопроектов. В текст инструкции Татищев ввел пункт, обязывающий его открыть на Урале «хорошую» школу для обучения детей — дворянских, подьяческих, неслужащих церковников — с целью подготовки собственных командных кадров для управления промышленностью взамен посылаемых выпускников столичных школ, которые «приискивают, как бы отлучиться», неохотно обучаются горным делам³. В инструкции речь шла только о детях неслужащих церковников, «праздных элементах», которых государство во время первой ревизии записывало в сословие крестьян, зачисляло в подушный оклад. На детей служащего духовенства юрисдикция Татищева распространяться не могла, поэтому о них в инструкции и не упоминалось.

По прибытии в Екатеринбург Татищев в первом же доношении в Кабинет министров 9 октября 1734 г. сообщил о своем решении открыть школы при всех казенных заводах, в Кунгуре и Соли-Камской, начать обучать детей немецкому языку. Не прошло и двух недель, как на заседании Канцелярии Главного правления заводов во главе с Татищевым 21 октября 1734 г. был определен состав будущих учащихся: приказывалось «годных в научение детей разночинцовых, детей боярских и однодворцовых, церковничьих, подьяческих и мастерских при заводах и в слободах от шести лет и выше переписать имянно и кто может от родителей иметь пропитание»⁴.

Поскольку оговорка о переписи детей лишь не служащих церковнослужителей отсутствовала, ясно, что Татищев с самого начала решил привлечь в школы, намеченные к открытию по всем казенным заводам Урала, детей и служащего духовенства. Почему он пошел на это?

К этому времени Татищев в основном завершил работу над своим «программным» сочинением — «Разговором двух приятелей о пользе науки и училищах», — в котором убедительно, глубоко, ярко обосновал тезис о просвещении как двигателе прогресса. Он отмечал, что духовенства и церковнослужителей «должность в том состоит, чтоб неведущих закону Божию поучали и на путь спасения наставляли», но «з горестию видим, что у нас столько мало ученых, что едва между 1000-ю один сыщется ль, чтоб Закон Божий и гражданский сам знал и подлomu народу оное внятнм поучением внушить и растолковать мог...»⁵.

В «Истории Российской» Татищев неоднократно размышлял о роли духовенства в развитии просвещения. Он противопоставлял деятельность церкви и монастырей Древней Руси и позднейшего периода. По мнению Татищева, активная, позитивная роль духовенства в распространении образования утратилась с наступлением татаро-монгольского ига: «У нас

науки до нашествия татар довольно умножились, но по нашествии Батыеве совсем угасли, а монастыри от учения отстали»⁶. Татищев считал, что в России, как и в Византии, «монахи, получа многие доходы, в праздности жить начали»⁷. В вариантах к главе 6-й, посвященной киевскому князю Владимиру, Татищев рассуждал о том, какими доходами должна располагать церковь и на что их тратить. Он поддерживал политику Петра I по контролю за расходованием церковных средств: «...смотреть нужно, на какую потребу и сколько церковь дохода требует; главная того потребность содержание больниц, богаделен и училищ, а не на роскошность, пьянство и блуд или великолепие духовных», как Петр I в указе 1724 г. изъяснил⁸. Вероятно, это место Татищеву пришлось подвергнуть сокращению в результате критики духовенства в 1739 г., и оно сохранилось лишь в вариантах «Истории». Татищев справедливо противопоставлял просветительную политику Петра I и его ближайших наследников: «...после его смерти... по епархиям, кроме Новгородской и Белгородской, не токмо школ вновь устроили, но некоторые и начатые оставлены и разорены, а вместо того архиереи конские и денежные заводы созидать прилежали, чрез что пять лет по смерти его величества весьма преуспевало»⁹.

На пути из Москвы в сентябре 1734 г. Татищев обследовал заводы Пермского края, знакомился с положением дел, побывал в Кунгуре. Не мог он не узнать и о том, что дети духовного сословия слабо привлекаются духовными властями Вятки в школу, прозябают по домам при отцах, как и в начале 20-х гг. XVIII в., когда ему пришлось вести настоящую войну с местным духовенством, отлынивающим от посылки своих чад в Вятскую архиерейскую школу и увиливающих от отдачи их в Кунгурскую школу горного ведомства. Тогда война Татищевым была проиграна.

Поскольку во второй период руководства заводами Татищев получил большие полномочия (по справедливому замечанию Н.И. Павленко, они были шире прав самой Берг-коллегии¹⁰), видимо, сразу же по прибытии на Урал Татищев утвердился в решении привлечь в открываемые школы всех детей духовенства, не взятых учиться в учебные заведения Вятки и Тобольска. Вероятно, Татищев рассуждал так: коль духовное ведомство не стремится обучить всю свою молодежь, это должны сделать светские власти — горно-заводское ведомство, заинтересованное, чтобы священники и церковнослужители на территории, подведомственной заводам, были образованными людьми.

Согласно Генеральному регламенту, все решения в Канцелярии Главного правления заводов принимались коллегиально, наиболее важные — с участием Татищева, он был их инициатором. Некоторые инициативные решения Татищева фиксировались сначала в дневальной кни-

ге его личной канцелярии как начальника заводов, затем принимались коллегиально и записывались в книгу протоколов Канцелярии.

4 января 1735 г. Татищев и второй член Канцелярии А. Хрушов на заседании определили: «О школах послать на все заводы указы, чтоб немедленно потребные к тому покои построили и прежде, хотя б словесному, взяв дьячков или кто способен к научению явится и собрав детей, читать и писать обучали, а затем арифметики и геометрии обучать определенным ныне шихтмейстерам или надзирателем работ»¹¹. Согласно этому решению, дети духовенства должны были обучаться в словесных школах при заводах по месту жительства или вблизи от дома, если дети проживали в приписных к заводам слободах. Это предписание повторялось и в указах Канцелярии, посланных на места.

Но уже через месяц Татищев изменил свое мнение: 1 февраля 1735 г. в его дневальной книге сделана следующая запись: приказал «о школьниках... мнение... отдать в Канцелярию Главного правления заводов. Детей поповых и церковничьих, которые написаны в архиерейских школах, тех бы конечно суда выслать и чтоб они не отговаривались тем, чтоб им не быть ни здесь, ни там»¹². 8 февраля это решение Татищева приняло форму определения Канцелярии: «Здесь же и других заводов и дистриктов детей поповых и церковничьих, которые хотя написаны и в архиерейскую школу, всех собрав, выслать сюда, не взирая ни на какие их отговорки, хотя и показывать будут, что оные назначены в архиерейские школы. И как собраны будут, потому ж обучать»¹³.

В этот день было принято и предложение Татищева об определении казенного жалованья детям, чьи отцы получали до 25 руб. в год, а иномородним — всем, независимо от размера окладов отцов¹⁴. Но детям духовенства и церковнослужителей жалованья не полагалось, все они, даже взятые из дальних мест, должны были питаться и одеваться за счет отцов. Главная причина такого решения заключалась, видимо, в том, что школьников, обучавшихся на своем коште, разрешалось определять в услуги по воле родителей, а беруших казенное жалованье — по рассуждению членов Канцелярии. Дети духовенства заводские власти распоряжаться не могли, они должны были идти по стопам отцов и служить при церквях.

Таким образом, в феврале 1735 г. по инициативе Татищева детей духовно- и церковнослужителей потребовали высылать со всех заводов и приписных к ним слобод для обучения грамоте в Екатеринбург. При этом дети заранее обрекались на обучение в сложных условиях: вдали от домов, в ожидании присылки еды, одежды, обуви от отцов, которые далеко не всегда могли помочь детям из-за дальности расстояния и собственной бедности.

Управители заводов во исполнение этого решения начали присылать детей духовного сословия для обучения грамоте в Екатеринбург. В марте 1735 г. Алапаевская заводская контора прислала 17 человек. Четверых великовозрастных отправили назад, больного сына попа Д. Яковлева потребовали прислать, когда выздоровеет, а не оказавшегося дома поповского сына П. Конева — сыскать. Яковлева отослали в словесную школу Екатеринбурга 30 апреля, а Конева велели искать на Невьянском заводе шихтмейстеру Булгакову, но он и в июне не был найден¹⁵. Таким образом, весной 1735 г. в Екатеринбургской словесной школе начали обучаться грамоте 14 детей с Алапаевского завода и приписных к нему слобод. Попытка попа Камышловского дистрикта вызволить сына и племянника из Екатеринбургской школы в ближнюю Алапаевскую успеха не имела — член Канцелярии Н. Клеопин запретил это, ссылаясь на будущее обучение детей духовенства в латинской школе¹⁶.

Некоторую несуразность ситуации — открытия школ на местах и вывоза всех без исключения детей церковнослужителей для обучения чтению и письму в Екатеринбург — увидел сам Татищев, когда 19 мая 1735 г. в Канцелярию явились дети Кунгурского уезда, высланные Пермской земской конторой. Картина, видимо, была неприглядная. Долгий путь вымотал детей, надо было решать вопрос с их размещением. По наведенным справкам оказалось, что 4 января 1735 г. уральское начальство решило открыть школы в Кунгуре, на Егошихинском и Пыскорском заводах. Школу в Кунгуре приказывалось устроить и содержать земскому судье, Егошихинская и Пыскорская должны были находиться под контролем Пермского горного начальства.

На этот раз Татищев высказал личное мнение, зафиксированное в протоколах Канцелярии: «из других заводов и з дальных дистриктов сюда высылать не надлежало, ибо ис того, как тем детям в дальных проездах, так и казне в напрасной даче им пропитания мог бы быть напрасной убыток и наипаче, что дети малые, отдалися родителей и свойственников, без призрения болею повредиться, нежели научиться могут...». Замечательно, что Татищев единолично определил: 1) «оных кунгурских и других дальных дистриктов детей отпустить и велеть им явиться в школах, которые кому ближе; 2) на все заводы послать указы, чтоб по прежним определениям конечно школы устроить и детей учить читать и писать в июне месяце начали, а которые дети отсюда на другие заводы отпустятся, о тех послать туда росписи, чтоб оные не разбежались...»¹⁷.

Особое внимание Татищев уделил мерам по успокоению церковнослужителей. Чтобы, «не опасаясь отлучения детей их от церковного служения, в школы отдавали», предписал объявить в указах определение Канцелярии от 8 февраля 1735 г.: кто казенное жалованье во время обучения брать не будет, «тех по обучении определять в услуги по воле их

родителей, где они себе за лутчее почитать будут...»¹⁸. Указ Канцелярии об этом был отправлен в Екатеринбургскую контору судных и земских дел 21 мая, контора же только 20 июня приняла решение о рассылке на казенные заводы, в Кунгур и в дистрикты старостам с сотниками указов, «чтоб чинили по ним неотменно»¹⁹.

Глава Пермской земской конторы, действовавшей в Кунгуре, капитан Л. Житков в июне 1735 г. запрашивал в Екатеринбургской конторе судных и земских дел, что делать с детьми, возвращенными из Екатеринбургской словесной школы и живущими праздно в Кунгуре, и отправлять ли в Екатеринбург четырех церковничьих детей, прибывших с Пысковского завода, или вернуть их на Пысکور, поскольку словесная школа там уже действует²⁰. Уральское начальство молчало, решения на этот запрос последовало только в октябре 1735 г.: церковничьих детей предписывалось отправлять в Екатеринбург.

Это решение, противоположное майскому, было связано с приближающимся открытием латинской школы, куда Татищев хотел собрать церковничьих детей, обучившихся грамоте, со всей территории горно-заводского ведомства, с частных заводов и из города Кунгура. Через три месяца после прибытия в Екатеринбург Татищев задумал открыть латинскую школу. 2 января 1735 г. в дневальной книге личной канцелярии записано продиктованное Татищевым доношение Анне Ивановне, в котором впервые встречается упоминание о латинской школе: «...дабы и впредь здесь в способных людех недостатка не было, определили здесь для обучения арифметики и геометрии иметь при всех заводах школы, а здесь особливо латинского и неметского языка обучать, дабы чрез оное вышние мафематические и физические части показывать им удобно было»²¹. В этот же день Татищев предписал: просить Академию наук прислать учителей немецкого и латинского языков, книги для латинской школы, список которых должен был составить К. Кондратович, прибывший с Татищевым на Урал как переводчик книг для «Истории Российской»²².

Хотя причины открытия латинской школы Татищев в первый раз обосновывал интересами подготовки специалистов горно-заводского дела, на деле в этой школе стали обучаться несколько детей иностранцев, а основной костяк учащихся составили дети уральского духовенства.

О важности знания латинского языка духовенством Татищев так писал в «Разговоре»: «Например, кто хочет сына своего в духовенство привести, то необходимо нужно ему: 1) еврейской, на котором Ветхий Закон писан; 2) греческой, для того что на оном Новый Завет, Соборы первые вселенские и поместные и всех восточной церкви, а многих и западных учителей книги писаны; 3) латинский язык, на котором наиболее нуждных священнику книг, яко риторические, метафизические, мораль-

ные и феологические находятся»²³. Татищев подчеркивал положительную роль Петра в распространении латинского языка в России, отметив, что Петр сделал это «по примеру других государств».

На заседании Канцелярии 3 ноября 1735 г. слушали присланные из Вятской и Соли-Камской провинциальных канцелярий доношения с переписями подьяческих и церковнических детей. В Вятском уезде таких оказалось 555, в Соли-Камской — 22, и «в здешнем ведомстве», т. е. на территории заводского ведомства, — 861, в словесной же и арифметической школах Екатеринбурга обучалось из них только 93 человека, отобрано к обучению в Екатеринбурге было 152. На каких заводах были открыты школы и сколько детей обучалось в них, никаких сведений у Канцелярии не было²⁴.

Татищев предписал: «...школьников, кои склад познали и писать начали», прислать со всех заводов в Екатеринбург; детей управляющих заводами, надзирателей, подьячих, мастеров, «кои понадежнее», определить в немецкую школу, поповских и церковничих детей — в латинскую школу. О прочих, сколько в обучении из написанных, кто и почему не обучается, прислать списки²⁵. Таким образом, снова предполагалось всех детей духовенства, едва научившихся читать и только приступивших к обучению письму, прислать в Екатеринбург.

Через несколько дней должно было состояться открытие немецкой и латинской школ, в которых предполагалось обучать по 50 учащихся, набрано же было гораздо меньше (7 ноября, в первый день занятий, в немецкой сидело за столами 28 человек, в латинской — только 6)²⁶. Видимо, в связи с небольшим числом учеников, набранных в иноязычные школы, которым Татищев придавал особое значение, и решено было привлечь в них учащихся периферийных школ, едва начавших обучаться письму на русском языке.

Наряду с открытием школ на заводах, сбором в них детей духовенства, а также с высылкой начинающих учиться письму детей церковнослужителей в латинскую школу в Екатеринбург, горно-заводские власти провели в отношении этого сословия еще одно большое мероприятие — перепись детей с целью положения их в подушный оклад. Судя по дневальной книге Канцелярии Татищева, это мероприятие предложил провести глава Пермской земской конторы, расположенной в Кунгуре, капитан Л. Житков: он донес Татищеву, «что в Кунгуре многие попов дети и внучата давно от церквей отлучились и в поголовной оклад не положены, чтоб оных переписать во всем уезде и городе». 27 ноября 1735 г. Татищев представил об этом в Канцелярию²⁷. Ставя всегда во главу своих действий государственную пользу, Татищев решил провести перепись на всей территории заводского ведомства — казна могла получить дополнительные налоги. 16 декабря 1735 г. на докладные пункты, кого класть в по-

душный оклад по переписи, в Канцелярии приказали: детей неслужащих церковнослужителей, не положенных в оклад, «положить», но действительно служащих, в оклад включенных, не выключать²⁸.

Особое внимание обращалось на Кунгурский уезд, где предполагалось найти значительное число потенциальных учащихся. Пермская земская контора оперативно переписала церковнослужительских детей в уезде, 4 января 1736 г. итоги переписи были высланы в Екатеринбург, 23 января заслушивались в Канцелярии, но Хрущов и Юдин в отсутствие Татищева решения принимать не стали, ограничившись резолюцией: о церковничьих детях, выписав, предложить²⁹.

«Перепись имеющимся в Кунгурском уезде церковничьим детям, не служащим при церквях и не определенным к делам и кои подушных денег не платят» включала фамилии 68 детей и молодых людей, принадлежавших к духовному сословию, в возрасте от 6 до 40 лет. Они проживали в семи селах и острожках, приписных к заводам, ведомства Пермской земской конторы и одиннадцати селах и острогах, находившихся в ведении Кунгурской воеводской канцелярии³⁰. Детей от 7 до 15 лет набралось, по нашим подсчетам, 30 человек, 6-летних — 8 человек.

Еще до окончания переписи, 5 декабря 1735 г., Пермской земской конторе предписали прислать сведения, касающиеся открытия Кунгурской школы: сколько детей записано в школу, сколько собрано, найден ли учитель и за какую плату. 7 января 1736 г. Татищев дал указ капитану Л. Житкову: обретающихся в его команде церковничьих детей от 7 до 15 лет выслать в Екатеринбург «в самой скорости», а от 5 до 7 лет, проживающих «в городе и близ города верст до 10», обучать в Кунгурской школе³¹.

Обратим внимание, Татищев опять потребовал выслать в Екатеринбург всех детей с 7 до 15 лет, т. е. предполагалось, что они будут учиться азам грамоты вдали от дома — в Екатеринбурге. Школу в Кунгуре он решил наполнить только за счет малолетних детей от 5 до 7 лет. Никогда ни ранее, ни позже, Татищев не требовал забирать в школы детей в таком малом возрасте, тем более что речь шла о том, чтобы забрать их из семей, пусть даже на расстояние не больше 10 верст. Невольно возникает чувство, что он мстил духовенству уезда, брал реванш за проигранное в 20-е годы сражение с духовной властью по обучению детей духовенства в Кунгурской школе заводского ведомства.

На следующий день, 8 января 1736 г., члены уральской канцелярии В.Н. Татищев, А. Хрущов, Н. Клеопин и И. Юдин заслушали справку о выполнении своего решения от 3 ноября 1735 г. (о сборе детей с заводов, которые «склад познали», в немецкую и латинскую школу и присылке списков о детях, сколько их обучается и где). Выяснилось, что «ниоткуда таковых учеников для обучения и поныне не прислано», поэтому члены

правления предписали: «послать на все казенные и партикулярные заводы к управителем и шихтмейстером в подтверждение указы, в которых написать, а имянно: на казенные, чтоб выше писанных управительских, надзирательских, подьяческих, детей поповских и причетнических детей, с партикулярных же по силе прежняго декабря 29 дня 735 года определения токмо поповских, дьяконских и других причта церковного детей же для обучения выслали сюда немедленно и конечно не позже, как в сем генваре месяце». За слушание управителям казенных заводов и шихтмейстерам частных заводов грозили штрафом — вычетом денег из их жалованья за три месяца³². Это решение начальства в виде указа Канцелярии 10 января было разослано на места.

Обратим внимание, упоминалось решение Канцелярии от 29 декабря 1735 г. Оно было принято в связи с просьбой заводчиков и приказчиков частных заводов бергмейстера Каргина «с товарищи» не высылать в Екатеринбург детей приказчиков, подьяческих и мастеровых по два человека с завода для обучения в екатеринбургских школах, поскольку на частных заводах, согласно наказу Татищева шихтмейстеру, должны были открываться свои школы для обучения словесному и арифметике. Татищев «с товарищи» согласились удовлетворить просьбу владельцев заводов, но особо оговаривалось: «кроме церковничьих детей», о которых в доношении заводчиков и приказчиков не упоминалось. Их предписывалось «по силе прежде посланных указов выслать всех сюда немедленно» и «для обучения отдать в латинскую школу»³³. Таким образом, в декабре 1735 — январе 1736 г. уральское горное начальство распространило нормы об обязательности обучения детей духовного сословия в горно-заводских школах и на территорию, подведомственную частным заводам. Высылать детей должны были шихтмейстеры, представители государственной власти, назначенные Татищевым в 1735 г. для контроля за частными предприятиями.

В январе 1736 г. начали поступать рапорты с мест о наличии детей духовного сословия, научившихся читать. Из них следовало, что на Сылвенском заводе таковых не было, на Уктусском имелось пятеро малолетних, еще не годных к обучению, в школе обучалось трое — дети умершего дьякона Арамилской слободы и попа Горного Щита, только приступившие к чтению. На Лялинском заводе в школе сын дьячка Василий Попов обучался письму, на казенной подводе вместе с двумя подьяческими детьми его отправили в Екатеринбург. На Чусовских казенных пристанях детей церковнослужителей оказалось трое: сын попа Я. Климантова Андрей, сын церковного дьячка Н. Кадилова Ефим, обученные чтению и письму, и 7-летний Иван, которого отец хотел обучить своим коштом вместе с тремя детьми мастеровых, но власти приказали высылать всех. Они прибыли 9 февраля³⁴. В середине января Алапаевская

заводская контора выслала в Екатеринбург учившихся в местной школе 13 детей попов, дьякона, дьячков. Двое из них были с самого завода, остальные из Невьянской, Арамашевской, Мурзинской, Белослудской слобод³⁵.

Параллельно Канцелярии Главного правления заводов сбор церковничьих детей из слобод активно вела и Екатеринбургская контора судебных и земских дел. Контора рассылала указы в слободы к старостам с сотниками. Из Белоярской слободы 30 января прибыло двое сирот — дети попа и пономаря. Через неделю их освидетельствовали, и оказалось, что они обучены чтению «в твердость», а писать не учились. Поскольку им 19 и 20 лет, Хрушов и Клеопин разрешили не брать их в школу как взрослых, «отпустить в дом, дав им для известия, что отпущены от школы, отпуска»³⁶. Ясно, что провозглашенную обязательность обучения детей духовенства старались соблюдать, поэтому и выдавали свидетельства об освобождении конкретных лиц от школьной повинности. Поп же села Клевакинского Ф. Прокопьев объявил, что его сын уже взят для обучения в архиерейскую школу г. Тобольска в марте 1735 г.³⁷

Из Камышевской слободы прибыло 10 человек. Полицмейстер Екатеринбурга поручик А. Зубов представил о прибывших в Канцелярию. Только на пятый день последовала резолюция: годных определить в науки, а негодных отпустить по домам. Камышевские власти явно перестарались, выслав великовозрастных детей (19, 20 лет, двоих даже 22-летних) и совсем крохотных (трехгодовалого и двух 5-летних детей). Для обучения могли подойти лишь трое — 7, 9 и 14 лет³⁸. Двое детей дьячков, присланных из села Щелкунского и Бобровского Екатеринбургского дистрикта, оказались больными: один, 16-летний, «глазами слеп», другой, 8-летний, не мог говорить, видимо, был нем³⁹, но, обратив внимание, на смотр все-таки таких детей высылали. Пермское горное начальство 23 января 1736 г. рапортовало, что на Егошихинском заводе церковничьих детей школьного возраста нет, а на Пыскорский, Юговской и Висимский заводы из начальства отправлены указы⁴⁰.

Пермская земская контора 31 января сообщала, что из ее команды посылаются пятеро церковничьих детей из сел и острожков Кунгурского уезда. Характерно, что это были племянник дьячка (12 лет), сироты, сыновья умерших дьякона (12 лет), попа (11 лет), его же внушек (10 лет), дьячка (7 лет). Только 10 февраля они прибыли в Екатеринбург, а 13 февраля вышел приказ об определении их в школу⁴¹, т. е. полмесяца ушло на переезд и устройство детей только от Кунгура до Екатеринбурга, а ведь они предварительно собирались еще и из сел в Кунгур. Можно только догадываться, что пришлось пережить малым детям, оторванным от дома: страх и тревогу в преддверии новой жизни с чужими людьми, дальнюю дорогу в морозные дни, недостаток пищи.

Прошло чуть больше двух недель учебы этих детей в Екатеринбурге, как в марте в Канцелярию было подано доношение сына попа, бывшего пономаря села Комарова, приписанного к Егошихинскому заводу, Корнилы Кротова⁴². Он жаловался, что в феврале 1736 г. его сын и брат определены в Екатеринбургскую школу, за месяц еще азбуки не выучили, а за дальним расстоянием «поить и кормить мне их за скудостью своею невозможно». Кротов просил отпустить их учиться в Кунгурскую школу «или в домех на строчное время с подпискою моею», обещал обучить их чтению и письму своим коштом и поставить потом в Екатеринбург для дальнейшего обучения.

Пока наводили справки по делу, прошло 12 дней, которые Кротову пришлось провести в Екатеринбурге. Рассматривали просьбу Хрущов, Клеопин и Юдин. Они постановили: Кротовых обучать в Екатеринбурге по силе указа Татищева от 7 января 1736 г. У Кротова взять подписку, если он их на своем пропитании содержать не пожелает, то им будет даваться жалованье от казны, и за это дети должны остаться в заводской службе, а к нему или к другим делам по их желанию отпущены не будут. Это была, по сути, политика выкручивания рук, но желание исключить зависимость от заводских властей пересиливало все материальные лишения, и Кротов пообещал содержать детей в Екатеринбурге на своем коште⁴³.

Через полгода Кротов вновь попытался изменить место обучения своего младшего брата, сироты 11 лет, и 10-летнего сына. В доношении 15 сентября он сообщал: другого его сына, 7-летнего Филиппа, взяли учиться в Кунгурскую школу, а дети, учившиеся в Екатеринбурге «за не призрением и за неимением свойственных и родственников претерпевают великую нужду, и за недостатком пищи когда временно и питаютца подаванием мирским, а я, нижайший, за дальним разстоянием от Кунгура и за своим недостатком от великого здесь в проезде пропитания и частыми сюда волокитами пришел в последнюю скудость». На шестой день последовало решение: отпустить обоих в Кунгур по определению Татищева от 19 мая 1735 г. (чтоб из дальних мест не забирать учиться грамоте в Екатеринбург), явиться в Кунгурскую школу «на поверстной срок», взять подписку, что будут обучаться «по надлежащему». Кротов обещал объявить детей в Пермской земской конторе 29 сентября «без всякого отлагательства»⁴⁴. Получалось, что по меньшей мере неделю он должен был добираться до Кунгура. На этом примере видно, что члены Канцелярии, решая судьбу детей, руководствовались прямо противоположными по смыслу распоряжениями Татищева.

Неудивительно, что некоторые ученики бежали из екатеринбургских школ. 22 мая 1736 г. в Лялинскую заводскую контору явились Федор Кузнецов и Василий Попов, взятые из Лялинской словесной учиться в

немецкую и латинскую школы, и показали: отпущены были на Алапаевский завод к родственникам на срок с 25 апреля до 10 мая, а оттуда «за неимением у себя денег и за недачею на пропитание им жалованья ушли: Кузнецов к братьям, Попов к отцу своим для взятъ себе на пропитание денег». Лялинская контора решила отправить их с рассылным 31 мая в Екатеринбург. Но рассылный 15 июня объявил одного Кузнецова, о Попове заявил, что накануне отъезда хотел забрать его в контору ночевать, но родители заявили, что «он уехал наперед», по пути настичь его не удалось. Обращает на себя внимание большой срок между датой составления доношения и его подачей в Канцелярию. Ясно, что добирался рассылный с учеником с Ляли в Екатеринбург две недели, столько же времени тратили, видимо, и родные для свидания с детьми и подвоза им продуктов. Уральское начальство велело Лялинской конторе Попова сыскать и скованного прислать в Екатеринбург. Только 13 августа 1736 г. брат Попова, ученик Екатеринбургской словесной школы, объявил его в Канцелярии. За побег того приказали наказать розгами и отдать по-прежнему в латинскую школу⁴⁵.

Из семьи Поповых в Лялинскую словесную школу в мае 1735 г. были взяты трое детей — Василий, Савва и Алексей. В 1736 г. их перевели в Екатеринбург в латинскую школу, Алексея — в словесную. Алексею удалось в начале 1737 г. уволиться домой к престарелому отцу: власти уважили его просьбу, отпустили для прокормления родителей, а скорее на том основании, что ему 21 год, а учит еще псалтырь и в «науке школьной не надежен ... за таким многолетием»⁴⁶.

Открытие словесной школы в Кунгуре затягивалось. Хотя распоряжение об этом было сделано властями еще в январе 1735 г., только через год (в январе 1736 г.) глава Пермской земской конторы Житков сообщил властям, что пожелал быть учителем посадский Степан Кудрявцев из Соли-Камской, а учителя арифметики надо прислать из Екатеринбурга, хотя бы из школьников. В списке церковничих детей, определенных в школу, числилось всего 9 человек — из сел Комарово, Тазовское, Ильинское. Это дети попов (5, 11, 13, 15, 16 и 17 лет), внук умершего попа (9 лет), сыновья пономаря (15 лет) и дьячка (17 лет)⁴⁷. Чем объяснялся отбор именно этих детей, в доношении не оговаривалось.

В марте 1736 г. уральское горное начальство констатировало, что в Пермском крае, «как слышно, что школы есть, токмо на каком основании, неизвестно». Поэтому решено было послать туда ректора школ, учителя немецкой школы Штермера, «ему школы осмотреть, в добром ли порядке ученики содержатся... и учителя», «непорядочное» исправить, учителям дать инструкцию⁴⁸. Как следует из журнала Штермера, который он вел в поездке, 31 марта он прибыл в Кунгур, «и тут, кроме учителей, еще школы и учеников не было». Штермер отдал с данного ему указа

копию в Пермскую земскую контору для рассылки в дистрикт о сборе учеников, «дабы они к возвращению из Пысгора в школу собраны были»⁴⁹.

Словесная школа в Кунгуре начала действовать 22 апреля 1736 г. — этим числом помечено начало вступления в науку учащихся в первой ведомости⁵⁰. Начали учиться не 9 человек, как упоминалось в январском доношении из Кунгура, а 43. Состав учащихся Кунгурской школы имел ряд особенностей, отличавших ее от прочих горно-заводских: только в ней имелось так много детей духовенства (31 человек) и приказных людей (12); по сути, было представлено всего две сословных группы, при том более половины представителей духовного сословия (19 человек) уже вышли за пределы школьного возраста. Это были подростки и юноши 15–20 лет, большинство из них уже умело читать и начало писать; один учил часослов (16 лет), трое — псалтырь (15, 17, 18 лет). Взяли даже не начинавших учиться грамоте на дому 15-летнего сына пономаря и 20-летнего сына дьякона. Среди детей подьячих (10–19 лет) пятеро уже читали и писали, двое учили псалтырь, один его «твердил», двое учили часослов и азбуку.

В июне 1736 г. выяснилось, что 9 церковничьих детей попали в список учеников Кунгурской школы напрасно. Пермская земская контора сообщала: указом епископа Вятского и Великопермского Лаврентия они в 1735 г. уже были взяты в Вятскую архиерейскую школу, «оттуда за своею нуждою отлучились и явились в здешней школе и записаны под смотрение иноземца ректора». За ними явился от архиерейского приказа пристав, и земская контора запрашивала уральское начальство, что делать⁵¹. Хрущов и Клеопин распорядились: детей, записанных в Вятскую школу, отдать приставу немедленно, заметив, что и принимать их не следовало, ибо по определению Канцелярии от 8 февраля 1735 г. надо было брать в горно-заводские школы детей, «записанных» в архиерейские школы, а эти дети не только «назначенные, но действительно в архиерейской школе были»⁵². Это решение было вынесено 19 июня, указ же для исполнения был послан в Кунгур только 5 июля.

Характерно, что среди взятых в Вятскую архиерейскую школу были дети 13–16 лет, один — 20-летний, отсюда следует, что архиерейское ведомство забирало детей в школу от случая к случаю и далеко не всех. Духовные власти в 1735 г. привлекли 9 человек, горно-заводские же в 1736 г. взяли дополнительно еще 28 (правда, четверым было по 6–7 лет, т. е. в 1735 г. они не были пригодны к учебе), кроме того, в Екатеринбург в январе 1736 г. было отправлено учиться пятеро. Эти данные — убедительное свидетельство того, насколько последовательно и напористо действовали заводские власти во главе с Татищевым в отличие от духовных. И, обратим внимание, ни в какие споры по поводу отозванных в архие-

рейскую школу детей горное ведомство вступить не стало, как это имело место в двадцатые годы.

Получив ведомость об успехах 33 учеников Кунгурской школы за август 1736 г., Хрушов и Клеопин в сентябре приказали: 6 учеников из приказных детей перевести в Екатеринбург в немецкую школу и 8 церковничьих — в латинскую, так как они выучились читать и писать⁵³. Если приказных затребовали всех, то из церковничьих, судя по ведомости, взяли ровно половину, причем трудно понять, чем руководствовались при выборе: среди них дети попов, пономарей, дьячка в возрасте 12, 13, 15, 17 и 19 лет, причем 19-летних три человека⁵⁴.

Не прошло и двух недель, как из 8 учеников, присланных в латинскую школу, четверо подали доношение в Канцелярию с просьбой уволить их от обучения: дети попов Г. Попов, Ф. Ушаков, Н. Пушкин и сын дьячка Г. Яковлев из села Комаровского, приписного к Егошихинскому заводу. В этом документе ярко обрисовано отнюдь не благостное положение детей сельского духовенства: «мы, бедные, жили при своих родителях от младых лет непрестанно в тяжкой работе и в пахоте, и от недостатку своего всегда в печали были, как бы себя и родителей своих пищею и одеждою пропроводить, и в той печали ко учению сему остроту ума своего затмением уже пресекли», им по 19–20 лет, «чего ради признаваем мы, что сей науки совершенно не достать, но токмо время свое в напрасном изнурении чаем потерять». Ученики ссылались на то, что как в Кунгурскую школу, так и в Екатеринбургскую «в проезде прогонами содержали себя своим иждивением, а казенного для содержания на нас ничего не потеряно», просили «для показанной нашей нужды и тупости ко учению ума нашего», великовозрастности, отпустить «для совершенного обучения пения и писания в Кунгурскую школу»⁵⁵. По свидетельству члена Канцелярии И. Юдина, к учению латинского языка «из указных лет уже ушли», за три недели школьного обучения дошли до четвертой-пятой страниц вокабул и малопонятны. Только 11 декабря 1736 г. последовало решение Хрушова: из школ отпустить и впредь в латинскую и немецкую школы детей выше 14 лет не принимать⁵⁶.

В октябре 1736 г. сын дьякона Петр Хлопин, взятый учиться грамоте в Екатеринбург еще в феврале 1735 г., просил перевести его в Кунгурскую школу, объясняя: «имею [там] родительницу, и то бедную вдову, которая не токмо обо мне иметь попечение, но и о себе не может никак-во промыслу и пищи снискать», в Екатеринбурге родственников или знакомых нет, поэтому «претерпеваю великую нужду и питаю себе, прося милостиною»⁵⁷. На доношении расписался «кунгурец» Прохор Шавкунов, один из соучеников по кунгурской школе, взятый учиться в немецкую. Видимо, вдали от дома землячество поддерживалось. Ровно через неделю, 13 октября, последовало решение Хрушова, Клеопина, Юдина: от-

пустить учиться в Кунгур. Получается, что Хлопин осваивал азы грамоты (дошел до утрени в часослове) без всякой поддержки из дому, без жалования один год и 8 месяцев.

Сын дьякона Яков Никитин вместе с двумя братьями осиротел еще в малых летах, братья жили при матери в Арамильской слободе, в 1735 г. были взяты в Уктусскую словесную школу, с 1736 г. должны были платить подушную подать. В марте 1736 г. старший брат просил Канцелярию перевести братьев из Уктусской в Екатеринбургскую школу, т. к. на этом заводе есть родственники, а на Уктусском дети живут на квартире у чужих людей. По справке оказалось, что братья Иван и Егор (10 и 7 лет), учатся в Уктусской школе с июля 1735 г., при записи в оклад их приказано было располагать в заводскую работу для уплаты подати. Хрушов и Клеопин разрешили перевести детей в Екатеринбург, только в июле 1736 г. это было сделано⁵⁸, т. е. более года они учились вдали от матери. И, обратим внимание, более трех месяцев ушло на принятие решения.

В дневальной книге канцелярии Татищева отмечено, что 21 февраля 1736 г. он отправился в Пермь для осмотра заводов. В Кунгуре Житков «подал в доклад пункты», требуя резолюции, «о положении в подушной оклад церковничих детей, которые не положены, и о причислении их в села со крестьяны, понеже некоторые о том требуют»⁵⁹. Вряд ли отставные церковнослужители просто так вышли с этой инициативой — горное начальство и без того записало бы их в оклад. Возможно, они хотели «подсластить горькую пилюлю»: уж если платить подушные деньги за детей, то пусть их считают крестьянами и не берут в школу? На крестьянское сословие обязанность учиться не распространялась. Татищев потребовал подать список церковничьим детям, «кои желают быть в окладе», с указанием лет, пообещав решить позже этот вопрос.

26 февраля Татищев прибыл на Пыскорский завод, и здесь ему подали прошение двое учеников Пыскорской словесной школы, дети попов, Иван Коняев и Дий Осокин. Они сообщали, что взяты в школу из станов, отдаленных от завода, учат часослов и азбуку «и от не дачи жалования за скудостью отцов своих ныне при обучении пропитание имеем в мире милостынею», по указу же назначены учиться в Екатеринбург. «Для скудости и сиротства» они просили назначить казенное жалованье и не забирать их из Пыскорской школы «для того, что мы еще ничему не обучены»⁶⁰. Татищев затребовал сведения, сколько учеников собрано, кто чему учится и кому определено жалованье. Из 28 человек детьми духовенства оказались только двое просителей, о жалованье умалчивалось, видимо, его никто не получал. Решение в деле отсутствует, как и в дневальной книге. Но в более позднем доношении Пыскорской заводской канторы в Канцелярию оно изложено: 29 февраля личным указом Татищев предписал канторе «церковничьих детей, хотя и убогих, выслать немедленно с

салдатом, дав подводу и прогоны из казны»⁶¹. Т. е. опять Татищев поступил сверхжестко в отношении церковничьих детей: учить азбуку они с успехом могли и в Пыскорской школе, в большей близости к дому. До обучения в латинской школе им было еще очень далеко.

Выполнить предписание Татищева оказалось невозможно из-за отсутствия одежды и еды у детей. В Пыскорской заводской конторе ученики сказкою показали: «ежели им жалованье не дамся, то им ехать никоим способом нельзя, понеже платья, кроме одних шабуров (по Далю, *шабур* — сермяга, зипун, всякая плохая, грубая одежда. — А. С.) ничего на себе не имеют, а ныне при обучении питаютца, збирая в свободное время, милостиною, а от отцов своих, как в платье, так и в пропитании помощи никакой не имеют, понеже отцы их живут в крайнем убожестве, а у Осокина отец от церкви отставлен и ходит по миру ж». Управляющий Пыскорской конторой Андрей Порошин, сочувствуя детям, обратился в Пермское горное начальство, подтверждая: «кроме их скаски видно, что оные пропитание имеют милостиною и боле принудить их к свободному пропитанию и езде нельзя», и требовал указа: «на каком пропитании за малолетством и хранении оных школьников в Екатеринбург послать, ибо ... из казны жалованья им давать не велено»⁶². Пермское начальство переадресовало этот вопрос Канцелярии. 26 марта Хрущов, Клеопин и Юдин решили: ребят прислать в Екатеринбург «с случаем», а до того учить их в Пыскорской школе, о жалованье учинить, как о Кротове, т. е. предложить, но с условием, что дети в этом случае по окончании школы останутся в распоряжении заводских властей⁶³.

Между тем оказия подвернулась, 16 марта Пыскорская контора общала Канцелярии: отправляются дети с солдатом Малыгиным через Егошиху, выдано прогонных денег на одну подводу на 506 верст 2 руб. 53 коп. и в зачет казенного жалованья по 20 коп. человеку, «дабы в пути в пропитании не претерпели вящей нужды, понеже видно, что кроме милостины здесь пропитания не имеют», т. е. Порошин взял на себя смелость и выдал казенные деньги, ведь долгий путь пролегал и через незаселенные места. Только через две недели дети добрались до Екатеринбурга, и их определили на пропитание и житье к эконому, специально нанятому человеку, который должен был получать на руки казенное жалованье детей и кормить их⁶⁴.

В условиях войны с Турцией в 1736 г. верховной власти понадобилось взять на военную службу 7 тыс. человек. В связи с этим указом, изданным 28 сентября 1736 г. от имени Кабинета министров, Сената и Синода, предписывалось провести перепись детей духовного чина, не служащих людей церковничьих и не бывших у присяги⁶⁵. Сведения должны были присылать в Сенат Синодальный дом, архиереи, монастыри, губернаторы и воеводы. Приказывалось не записывать в военную службу лиц,

взятых для обучения в епархиальные школы, посвященных в дьячки и пономари; непосвященных, но исполняющих эти должности; «священнослужительским и причетническим малолетним детям...оставаться в ведомстве...Синода, для определения в школы и произведения на место оставленных при церквах». Всех таких приказывалось переписать, результаты переписи рассмотреть Сенату и Синоду совместно, «по разобрании» годных определить в школы. Власти грозили, что утаившим детей или не явившимся на смотр «учинена будет смертная казнь без пощады».

Именным указом от 7 сентября 1737 г. предписывалось окончить перепись, взять в военную службу всех от 15 до 40 лет, в церковные чины определять из малолетних и тех, кому более 40 лет. Малолетних для определения к церквам «надлежит обучать на российском языке грамоте, а потом грамматике, риторике и другим наукам, для чего во всех епархиях учредить школы как можно скорее, «чтоб от сего времени неученые люди в церковные чины определяемы не были»⁶⁶.

Эти и другие указы верховной власти 1736–1737 гг., связанные с набором в армию, послужили для Канцелярии Главного заводов правления основой для проведения «разбора» церковничьих детей на территории, ей подведомственной. В январе 1737 г. последовало решение Канцелярии: «церковничьих детей к смотру ис Перми, ис приписных к заводам сел велеть выслать сюда немедленно, и сколько в Пермском начальстве, и в каких местах церковей имеется, и что при оных церковных служительских детей, репортовать с обстоятельством». По получении этих сведений вятскому архиерею следовало отослать росписи и сообщить, «что тех церковей церковнослужительские дети пересмотрены имеют быть здесь». В подчиненных Томском, Нерчинском и Якутском начальствах предлагалось справиться, если губернские власти смотра детям духовенства проводить не будут, то такой смотр должны были взять на себя управители заводов⁶⁷. Ясно, что горное ведомство во главе с Татищевым не доверяло архиерейским домам Вятки и Тобольска и хотело взять всю работу по пересмотру церковнослужителей и их детей на заводской территории на себя — вятского архиерея решили лишь уведомить о переписи.

В феврале 1737 г. в Канцелярию поступила первая ведомость о церковничьих детях из конторы Чусовских пристаней, где трое числились в школе в Екатеринбурге и один — в пушкарях, его велели прислать к смотру⁶⁸. В феврале 1737 г. из Алапаевской конторы прибыло на смотр 20 церковничьих детей, приказано было годных к обучению от 6 до 15 лет определить в школы, «в которые кому за способнее усмотрится», прочих до указа отправить по домам⁶⁹. С Полевского завода прислали двух взрослых и малолетов⁷⁰. Пермская земская контора в марте 1737 г. запрашивала, слать ли в Екатеринбург на повторный смотр детей, если они уже высылались к Соли-Камской. Хрущов распорядился: не выси-

лять, т. е. доверился гражданским властям⁷¹. В мае Пермская земская контора прислала ведомость о количестве церквей в селах и острожках, приписных к заводам, служащих и праздно живущих представителях духовного сословия и их детях⁷². В ходе смотра детей, присланных Уктусской заводской конторой, один сын попа, А. Семенов, был зачислен в Уктусскую школу⁷³.

В ходе смотра детей духовенства и церковнослужителей Екатеринбургского ведомства (без территории Пермского края) выявилось много детей, годных в школу по возрасту, в том числе обученных «словесному» и способных обучаться в латинской школе, а также назначенных ранее в школу, но не отданных. Поэтому в марте 1738 г., уже после отъезда Татищева с Урала в Самару, член Канцелярии Игнатий Юдин, отвечавший за деятельность школ, предложил собрать этих детей в школы для обучения. В росписи, поданной Юдиным, было учтено 47 человек в возрасте 6 – 14 лет, проживавших в слободах Камышловской, Новопышминской, Багаряцкой, Крутихинской, Красномыской, Красноярской, Пышминской, Тамакульской, Невьянской, Белослудской, Мурзинской, Арамашевской, в 10 селах, Катайском и Колчеданском острогах. Из них 26 были детьми и внуками попов, 9 — детьми и братьями дьячков, 6 — детьми пономарей, 5 — детьми трапезников⁷⁴.

20 марта 1738 г. последовало распоряжение Л. Угрюмова и Т. Бурцева: детей «забрать для учения немедленно в школы поблизости мест, в котор[о]й кому способность. Когда же словесному и письму обучатся, тогда из оных школ присылать сюда для обучения латинскому языку, также и прочему, до того принадлежащему»⁷⁵. Судя по пометам на росписи, тринадцать человек от 7 до 10 лет были сразу же определены к обучению в Каменской словесной школе и, согласно школьной ведомости, действительно пополнили ее.

В июне 1738 г. в связи с переводом сына дьячка В. Топоркова из Каменской школы в Екатеринбург, уральское начальство предписало: всех детей духовенства, «кои уже склад познали и пишут, собрать всех сюда ж и обучать по порядку, учрежденному... Василием Никитичем Татисчевым»⁷⁶, т. е. перевести в латинскую школу. С июля 14 новичков пополнили ряды ее учеников, из них 9 человек — из Каменской словесной, 5 из Алапаевской⁷⁷. Из Кунгурской школы были назначены к переводу 6 человек, прибыло в ноябре только пятеро⁷⁸. Учеников вызывали, основываясь на данных школьных ведомостей, которые составлялись по третям года и отсылались управителями заводов в Канцелярию. В других школах учеников, готовых к обучению в латинской школе, не оказалось⁷⁹. В декабре 1739 г. из словесной школы в последний раз было переведено трое церковничьих детей⁸⁰. Примечательно, что в ходе кампании 1738 г. по приему детей духовенства в горно-заводские школы, двое детей из

Камышевской слободы (сын попа Кириллова и дьячка Кочнева), назначенные к обучению в латинской школе, были увезены отцами в Тобольск. Горные власти на этот раз не стали вступать в пререкания с властями духовными, а попросили митрополита Антония определить их в архиерейскую школу или выслать в Екатеринбургскую⁸¹.

Уральская горная администрация на подведомственной ей территории с 1735 г. стала присваивать себе некоторые функции духовной власти. Наряду с обучением детей духовенства в горно-заводских школах светские власти начали контролировать, все ли население бывает у причастия. В марте 1735 г. Татищев и Хрущов постановили: послать на все заводы указы с нарочными, чтоб священники объявили прихожанам: все, начиная с 7 лет, по указу 1722 г. должны причащаться без отговорок под опасением штрафа. После поста требовалось прислать известие, сколько человек в каждой церкви мужского и женского пола причащались, сколько и почему не были у причастия⁸².

С лета 1735 г. Канцелярия главного правления заводов взяла под свой контроль круг лиц, посвящаемых в попы и дьяконы митрополитом Тобольским и Сибирским Антонием. 28 июня Татищев «с товарищи» приняли это решение с любопытным обоснованием права светского горного ведомства диктовать свою волю духовному: писать в Тобольск к митрополиту Антонию, «чтоб из здешняго ведомства не токмо имеющих от прихожан выборов, но и таких, которые хотя иметь будут, да нашего об них представления не будет, не токмо в попы, во диаконы, но ниже в дьячки и пономари посвящать не благоволил, ибо все заводы казенные и портикулярные и к ним приписные слободы поручены в главную команду нам и за первейших прихожан во всем здешнем ведомстве почитаемся мы. На заводы же и в дистрикты здешняго ведомства на все посланы указы, чтоб в церковные причетники никого сами собою не избирали и выборов не давали под жестоким по указом штрафом. Буде же кто из обученных в архиерейской или здешной школах по их усмотрению возмнитца им быти достоин произведения в церковники, таковых и с выборами на них от прихожан и управителей присылать в Канцелярию Главного заводского правления, где об них, рассмотря, учинено будет по указом. Ежели ж и кто, не взяв от прихожан выбора уйдет и паче чаяния посвящен будет в церковной чин, таковых, имая, за крепким караулом присылать в Канцелярию Главного заводского правления»⁸³.

Как заводские конторы, так и священнослужители, ходатайствовавшие о выборе определенных людей, сами лица, желавшие занять причетнические или священнические места, подчинились такому решению. Церковный староста с мировыми людьми предлагали прихожанам подписаться, достоин ли человек избрания, заводская контора сообщала об этом в Канцелярию, члены которой заслушивали доношение, иногда тре-

бовали дополнительную информацию об избранном, обсуждали эту кандидатуру, зачастую не соглашались с ней и предлагали прихожанам избрать другого. Если кандидат, по мнению членов Канцелярии, подходил для исполнения должности, то отправлялась промемория в архиерейский приказ в Тобольск с просьбой, чтобы митрополит сообразовал по правилам церковным посвятить направленного к ним в попы или дьяконы.

Таким образом, Канцелярия Главного правления заводов по инициативе Татищева с июня 1735 г. стала органом, просеивающим кандидатов в духовный причт, определяющим, достойны ли они занять соответствующие места. Уже в этом месяце Канцелярия удовлетворила желание дьячка церкви великомученицы Екатерины Красномышльской слободы Ф. Пономарева стать дьяконом и отписала в Тобольск о его посвящении⁸⁴. Члены Канцелярии подходили к рассмотрению кандидатур очень критически. В мае 1736 г. сын пономаря Пышминской слободы Камышловского дистрикта Ф. Васильев просил Канцелярию определить его в пономари, но начальство этому воспротивилось: «усмотрено, что он писать не умеет... вместо ево к прошению руку приложил другой, да и читать мало знает, в церковных же причетниках надобны быть оного знающие». При этом у Васильева надежды быть пономарем не отнимали, предлагали «обучиться прежде в совершенство чтению книг, потом же и писать», тогда и являться для определения⁸⁵.

В декабре 1736 г. уральское начальство отказалось удовлетворить предложение Каменской заводской конторы о посвящении в попы дьякона Багарянской слободы Семена Кобелева. Поначалу начальство велело взять о нем выбор, прихожане подписались, чтоб быть ему попом вместо престарелого отца. По справкам, наведенным Канцелярией, оказалось, что в 1723 г. Кобелев был взят в Уктусскую арифметическую школу, во время отпуска из школы по болезни отец увез его в Тобольск для посвящения в дьяконы. Узнав об этом, Сибирский обер-бергамт потребовал от архиерейского приказа не посвящать беглеца, а, заковав в кандалы, выслать в Екатеринбург под караулом. Приказ это требование выполнил. Кобелев был наказан батожем и в апреле 1724 г. определен в доменные работники. В мае 1730 г. он бежал, в марте 1731 г. явился в Каменскую заводскую контору как поставленный митрополитом в дьяконы. Сибирский обер-бергамт затребовал его в Екатеринбург и снова определил к доменной работе. Духовное ведомство воспротивилось такому решению, ссылаясь на указ Петра I от 19 ноября 1721 г., по которому этих детей не только к тяжким заводским работам, но и ни к каким светским наукам отдавать не разрешалось. Архиерейский приказ выразил надежду, что не только Кобелев, но и другие челобитчики более при тех заводах удерживаться не будут, и потребовал его от работ освободить. В августе 1731 г. горно-заводские власти отпустили Кобелева на дьяконство. Выслушав

эти справки, член Канцелярии Хрущов решил: «за выше писанным подозрением», что он дважды был в бегах, «и что он грамоте малоумеющей, ево, Кобелева, в попы посвящать не надлежит, и о том ему и мирянам, чтоб искали другова к тому достойного, объявить»⁸⁶.

Уральское начальство противилось назначению на места церковно-служителей недостаточно подготовленных для этого школьников. В августе 1736 г. священник Полевского завода Стефан Гаврилов сообщал в заводскую контору: дьячек умер, пономарь заболел, отнялась рука и нога, брат пономаря, 15-летний Павел Мазеин, учится в словесной школе при заводе и может отправлять пономарскую должность, в дьячки же определить некого. По мнению управляющего Полевским заводом М. Кутузова, пономарь и дьячок нужны, в праздники для чтения и пения используются прихожане, но они «незаобычайны и надлежащего к служению искусства не имеют». Кутузов просил Канцелярию определить в причетники за установленную мирскую ругу (от каждого имущего мужчины по 3 коп. в год на дьячка и пономаря) Мазеина, дьячка прислать, который мог бы и школьников обучать. Члены Канцелярии разрешили в дьячки выбрать самим, а о Мазеине прислать рапорт, давно ли в школе и что учит. Оказалось, что он в школе с декабря 1735 г., азбуке, часослову и псалтыри обучался «у сродников своих», в школе выучил букварь «з десятигласия заповедей», обучается письму. Начальство приказало в пономари приискать другого, а Мазеину доучиваться в школе⁸⁷.

В декабре 1737 г. ученик Каменской арифметической школы Семен Ряпасов пожелал быть при заводской церкви дьячком на месте престарелого отца, объявил за подписями прихожан выбор в конторе, та представила его «для свидетельства» в Канцелярию. Угримов и Бурцев на 13-й день по получении доношения конторы и прибытия ученика приговорили: «во время церковного пения и службы оного школьника Ряпасова в церковь уволить велеть, чтоб он насматривался церковному кругу, а в дьячки до указа и пока совершенно обучится, не выпускать». Начальство при этом проявило инициативу, предписало конторе, чтобы школьников, особенно церковничьих детей, не только в праздничные, но и в работные дни в церковь для чтения и прочей услуги отпускать⁸⁸.

Заводские власти выступали категорически против перехода детей мастеровых в духовное сословие, даже если они учились в горно-заводских школах без получения жалованья. В июле 1736 г. Пермское горное начальство потребовало указа Канцелярии об определении в пономари ученика Егошихинской арифметической школы Якова Юшкова. Канцелярия запросила, чему он обучается, сколько лет, нет ли из церковно-служительских детей подходящего к этой должности. Оказалось, что 15-летний Юшков обучился грамоте до определения в школу, на коште отца выучил часослов, псалтырь, в школе выучил букварь, заповеди с

толкованием, дошел до умножения. Обучается у местного священника Кондрата церковному пению. У священника и дьячка своих детей для определения в пономари нет. Отец Юшкова, бывший шмельцер, хотел, чтобы сын стал священнослужителем. Пермское начальство в лице Андрея Татищева, племянника начальника заводов, поддержало начинание — «церковь была построена стараниями заводской команды», а в пономаре крайняя нужда. Но Хрущов и Юдин отказали в назначении Юшкова, приказали искать другого, «кроме мастерских детей»⁸⁹.

Если в начале 20-х гг. XVIII в. детей духовенства горно-заводское начальство распределяло из школ к заводским и приказным делам, не спрашивая их желания, то в 30-е гг. они обучались в словесных и латинской школах в надежду будущего священства. Поскольку лишь единицы из них получали казенное жалованье (несколько сирот были зачислены в трактир в Екатеринбурге), детей духовенства не распределяли к делам. Исключение — направление пяти учащихся Кунгурской школы в 1739 г. к приказным делам в Пермскую провинциальную канцелярию, одного ученика из Каменской школы — «в работу»⁹⁰.

Известна попытка использования в интересах заводов сына попа Уткинской слободы Якова Веснина, ученика латинской школы. В 1737 г. Татищев добился у Кабинета министров санкции на посылку двух человек в Китай для обучения плавке руд и выделению золота и серебра. К отправке начали готовить сына управителя Нерчинских заводов Дамеса и ученика немецкой школы А. Кичигина. Но когда оказалось, что молодой Дамес негоден и нужен человек, знающий латынь, Татищев в октябре 1738 г. приказал выбрать ученика латинской школы, «которой лучшее начало имеет, определить в нужные к тому науки»⁹¹. Избран был Веснин, в ноябре его перевели «в пробирную» — обучаться пробирному делу, и назначили жалованье по 1 руб. в месяц⁹². В марте 1739 г. вместе с Кичигиным его отправили на Егошихинский завод, где за год он научился плавке меди: «печи плавильные вновь зделать и старые починить, и в ход пустить, и руду на роштейн и роштейн в черную медь плавить и обжигальные переметные печи зделать и в тех переметных печах роштейн испурштейн обжечь». В связи с обучением плавке жалованье было повышено до 18 руб. В мае 1740 г. поездка в Китай была отменена (послали немца, плавильщика с Красноярских заводов), и тогда Веснина определили в маркшейдерские ученики⁹³.

В сентябре 1740 г. в Канцелярию подал прошение его отец, поп Уткинской слободы, которому за старостью уже трудно было выполнять свои обязанности, ездить к пастве иной раз за 150 верст, и он просил начальство определить сына для помощи и «впредь для наследия» вторым попом. Угримов и Гордеев его отпустить не решились, представили об этом в Генерал-берг-директориум. В январе 1741 г. отец вновь обратился

с ходатайством, просил, чтобы Андрей занял его место: жена попа умерла, по духовным правилам он должен постричься в монастырь, дом оставить без призрения. И хотя ответ из Генерал-берг-директориума еще не пришел, на этот раз начальство решило «для крайних нужд» Веснина уволить из школы, от заводских дел и явиться в Тобольскую архиерейскую канцелярию для посвящения⁹⁴. Таким образом, единственная известная нам попытка использовать талантливого поповского сына в интересах заводского ведомства окончилась неудачей.

В октябре 1739 г. в Канцелярию Главного правления заводов прибыл указ Генерал-берг-директориума, положивший конец привлечению детей духовенства в горно-заводские школы Урала. Он был издан во исполнение указа Синода от 28 августа 1739 г., в который поступила жалоба митрополита Тобольского и Сибирского Антония на действия горно-заводской «команды» с требованием, чтобы священно- и церковнослужители «детей своих к его преосвященству в училище не отвозили, а забирая ... их, тамо употребляет в разныя училища и работы по своим определениям». Синод потребовал от Генерал-берг-директориума «о пресечении вышепоказанных препятствий и нечинении впредь таковых непорятков», а также присылки известия, сколько детей духовного сословия «в екатеринбургских училищах и канцеляриях, и при работах, и мастерствах, и в каковых порознь науках и с коего кто года обретался и ныне обретается». Директориум, в свою очередь, указом от 4 сентября 1739 г. предписал Канцелярии «в школы из священно- и церковнослужительских детей впредь не принимать» и прислать в Директориум ведомость, какую затребовал Синод⁹⁵.

Получив сведения о детях священно- и церковнослужителей, Синод указом от 1 апреля 1740 г. потребовал о «немедленном их из екатеринбургских школ ... увольнении» и чтобы «на коште отцов их поставлены были в Тобольск во учрежденные при доме архиерейском школы неотложно». Генерал-берг-директориум во исполнение этого указа отправил свой подтверждающий указ на Урал, предписав «в школы из священно- и церковнослужительских детей впредь не принимать»⁹⁶.

На наш взгляд, митрополит Тобольский и Сибирский отнюдь не случайно обратился с жалобой в Синод летом 1739 г.: в марте Татищев был устранен от управления заводами, в мае над ним началось очередное следствие. Согласно ведомости, отправленной в 1740 г. в Генерал-берг-директориум, в это время в горно-заводских школах обучалось 84 представителя духовного сословия, из них с территории Тобольской и Сибирской епархии — 57, Вятской и Великопермской — 27⁹⁷. Но если воспользоваться данными сводной ведомости, составленной в 1746 г. в связи с прибытием президента Берг-коллегии Томилова на Урал, то окажется, что в 1735—1740 гг. в словесной и латинской школах Екатеринбург

обучалось 77 детей духовенства и церковнослужителей, в Верх-Исетской — 2, в Полевской — 6, Алапаевской — 6, в Каменской — 30, в Пермском горном начальстве — 9, Кунгурской школе — 29 человек⁹⁸. Если учесть, что часть учащихся переводилась из школы в школу (из словесной в латинскую, например), то в горно-заводских школах обучалось по меньшей мере 133 представителя духовного сословия, из них 27 человек были отпущены домой «из-за великовозрастности», по болезни, для платежа подушных денег, 9 были возвращены из Кунгурской в Вятскую архиерейскую школу.

Примечательно, что при увольнении детей духовного сословия из горно-заводских школ в августе 1740 г. Канцелярия Главного правления заводов обязывала их отцов поставить детей в Тобольск в архиерейский приказ к 1 ноября 1740 г. под угрозой штрафа. Уведомления об этом были разосланы на места и в Тобольскую архиерейскую канцелярию⁹⁹. Видимо, подобное решение было принято и в отношении явки детей в Вятскую архиерейскую канцелярию. Т. е. и при расставании с детьми духовенства горно-заводские власти пытались как-то регламентировать их последующую явку в архиерейские школы.

Увольнение детей духовенства из горно-заводских школ горное ведомство попыталось обернуть в свою пользу. Еще в начале 1737 г. обнаружился большой перерасход штатных сумм, выделенных на деятельность школ. Открытие школ почти при всех казенных заводах, провозглашение обязательности обучения для детей мастеровых, подьячих, солдат, духовенства, выплаты казенного жалованья учащимся, привлечение в школы учителей-иностранцев с высоким окладом, приобретение учебных пособий — все это потребовало гораздо больших средств. Перерасход штатных сумм грозил плохими последствиями. Чтобы уменьшить его, властям пришлось прекратить на ряд месяцев выплату жалованья учителям, кроме иностранцев, и ученикам, но, несмотря на это, в январе 1738 г. констатировалось, что сверх штатных сумм (1 500 руб.) было израсходовано 1 313 руб.¹⁰⁰

Поскольку столичные власти признали обучение детей духовенства в горно-заводских школах незаконным, уральская горная администрация получила слабую надежду перевести суммы, израсходованные на их обучение, на духовное ведомство. Было подсчитано, что на жалованье учителям латинской школы, на пособия и прочее израсходовано более двух тысяч рублей. Уральские власти отправили в Директориум запрос, откуда возвратить эти деньги, «ибо они до заводов не касаются»¹⁰¹. Генерал-берг-директориум приказал поставить эти суммы на счет школы, потому что эта школа была учреждена по силе именной инструкции, данной Таищеву в 1734 г.¹⁰²

Как же оценить начинания Татищева по привлечению детей духовного сословия в школы горного ведомства в 1735–1739 гг.? С одной стороны, это делалось вопреки действовавшему тогда законодательству, предписывавшему обучение этих детей в школах духовного ведомства. Но школы эти находились в большем удалении от их места жительства, чем заводские, — при архиерейских домах в Тобольске и Вятке. Кроме того, при всем желании они не могли вместить всех детей духовного сословия со своей территории. В Тобольске школа была открыта митрополитом Филофеем Лещинским в 1702–1703 гг. До 1727 г. в ней обучилось 33 человека: 5 выучили букварь, малый часослов, псалтырь, научились петь; 14 человек обучились «десятословию» и грамматике, 14 — одному «десятословию»; 29 учеников из 33 поступили на дьяконские и причетнические должности. Около 1728 г. в программу ввели обучение латинскому языку. В 1741 г. в славянской школе обучалось 37 детей, в латинской — 15¹⁰³. В то же время в ходе переписи 1738 г. в Тобольской епархии было зарегистрировано 377 детей только служащего духовенства в возрасте от 7 до 15 лет¹⁰⁴. В 1743 г. Тобольская архиерейская школа была преобразована в семинарию — среднее учебное заведение для подготовки кадров духовенства. Кстати, в Восточной Сибири первая школа для детей духовенства была открыта в 1725 г. в Иркутске в Вознесенском монастыре на 25 учеников, которых обучали русской грамоте и монгольскому языку. В 1730 г. в ней было 30 учащихся, в 1736 г. — 70. С 1737 г. эта школа стала русско-славянской, в 1740–1746 гг. — латино-русской. По просьбе архиепископа Иркутского латынь стал преподавать следовавший в ссылку на Камчатку за участие в оппозиции к Бирону Павел Малиновский — бывший префект славяно-латинской школы сначала в Киеве, затем в московском Ипатьевском монастыре¹⁰⁵.

В Вятской епархии школа для обучения детей духовенства действовала с 1723 г. В ней 35 человек изучали азбуку, часослов, букварь, псалтырь, учились писать. Назначенный в 1733 г. епископом Лаврентий Горка решил организовать славяно-латинскую школу и просил Киево-Могилянскую академию прислать учителей, потребовав от церквей и монастырей выделить средства на содержание школы, в которой предполагал обучать не только детей духовенства с 7 лет, но и детей приказных и посадских людей. Духовенство противилось введению латинского языка: «де сие учение не на пользу нам есть, паче же и противное церкви, понеже де мы латин гнушаемся, а они (учителя латинской школы) своим учением с латынями в сообщение нас хотят привести»¹⁰⁶. В конце 1734 г. Лаврентий Горка отправил рассыльных и приставов для сыска детей, укрывающихся от обучения, приказал вязать их и заковывать в колодки в случае сопротивления. К 1735 г. было собрано 400 человек от 7 до 25 лет. Учителя латинского языка Финицкий и Лищинский прибыли из Киева.

Умеющих читать и писать отправляли в латинскую школу, неграмотных — в славяно-российскую, учиться «читать в твердости и писать». Наряду со школой направляли дьяконам и причетникам города, в монастыри, к отцам для обучения грамоте, чтобы те потом представили их в латинскую школу. После смерти Лаврентия в 1737 г. учителя латинского были настолько не уверены в своем дальнейшем существовании, что решили бежать, вслед за ними разбежались и 159 учеников. Новому епископу Вениамину пришлось возвращать беглецов, предпринимая суровые меры¹⁰⁷.

В свете этих данных действия Татищева по привлечению детей духовного сословия в горно-заводские школы Урала, безусловно, следует расценивать положительно. По его инициативе дети духовенства в гораздо большем количестве по сравнению с архиерейскими школами обучались грамоте. Заводские власти, земские властные структуры буквально «вылизывали» подведомственную территорию, выискивали укрывающихся, контролировали выполнение своих распоряжений о зачислении детей для обучения, следили, чтобы ученики «не затерялись» при переводе их из одной школы в другую. Кампании по сбору детей для обучения на горно-заводском Урале были систематическими в отличие от кампаний духовного ведомства, проводились ежегодно и не по одному разу и дали внушительный результат.

Более результативными были усилия Татищева по привлечению детей духовенства в латинскую школу: как показано выше, систематически, по мере обучения грамоте, ученики переводились из словесных школ в латинскую. Организации последней Татищев уделял много внимания. В школу были назначены знающие учителя: немец из Марбурга Лаврентий Сехтинг, подысканный Академией наук, и Кириак Кондратович, выпускник Киево-Могилянской академии, бывший преподаватель семинарии в Переяславле-Залесском, переводчик при Феофане Прокоповиче. Судя по школьным ведомостям, аттестатам учеников и учителя Кондратовича, некоторые дети церковнослужителей в Екатеринбурге были обучены «до логики и физики, другие же обучали грамматику и читали Библию латинскую и рускую и делали ломаные латинские стихи, при чем толкована их церковная и гражданская история»¹⁰⁸.

¹ См. об этом: *Нечаев Н.В.* Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944. С. 59, 73.

² *Будрин В.И.* Горнозаводские школы Урала в XVIII в. и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбург–Свердловска (26–29 мая 1948 г.) Свердловск, 1950. С. 69.

³ ПСЗ. 1-е собр. СПб., 1830. Т. 9. № 659. С. 290–296; 294.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 112об.

- ⁵ Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 86.
- ⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. М.; Л. 1962. С. 241–242.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 236.
- ⁹ Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 105.
- ¹⁰ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII века: Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 154.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 216. Л. 17–18.
- ¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 37 об.
- ¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 217. Л. 64.
- ¹⁴ Там же. Л. 65.
- ¹⁵ См.: Там же. Д. 218. Л. 272; Д. 219. Л. 174; Д. 221. Л. 10.
- ¹⁶ См.: Там же. Д. 220. Л. 116.
- ¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 243.
- ¹⁸ Там же. Л. 243об.
- ¹⁹ Там же. Оп. 12. Д. 220. Л. 141–142; Оп. 1. Д. 624. Л. 244.
- ²⁰ См.: Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 247–247об.
- ²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 29об.
- ²² См.: Там же. Л. 30об.
- ²³ Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 101.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 226. Л. 11–13.
- ²⁵ Там же. Д. 692. Л. 129.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 243об.–244.
- ²⁷ Там же. Л. 251.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 227. Л. 153; Оп. 1. Д. 624. Л. 289об.
- ²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 58, 83.
- ³⁰ Там же. Л. 83–86.
- ³¹ Там же. Л. 151об.
- ³² Там же. Оп. 12. Д. 228. Л. 25.
- ³³ Там же. Д. 227. Л. 301–302.
- ³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 12, 70об., 72, 104.
- ³⁵ Там же. Л. 75–77.
- ³⁶ Там же. Л. 111–112.
- ³⁷ Там же. Л. 87–87об.
- ³⁸ Там же. Л. 117.
- ³⁹ Там же. Л. 129.

- ⁴⁰ ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 122.
- ⁴¹ Там же. Л. 109–110.
- ⁴² Там же. Л. 148об.
- ⁴³ Там же. Л. 151об. – 152.
- ⁴⁴ Там же. Л. 591–591 об., 593–593об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 328–328 об.; Оп. 12. Д. 235. Л. 104.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 692. Л. 139–144.
- ⁴⁷ Там же. Д. 624. Л. 58–61.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 12. Д. 230. Л. 261.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 342.
- ⁵⁰ Там же. Л. 358–360об.
- ⁵¹ Там же. Л. 336–337.
- ⁵² Там же. Л. 337 об.
- ⁵³ Там же. Л. 567–568.
- ⁵⁴ Там же. Л. 578–579.
- ⁵⁵ Там же. Л. 686–686об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 690.
- ⁵⁷ Там же. Л. 611–611 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 288–288об.; 288об. – 292.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1531. Л. 79 об.; 83–83об.
- ⁶⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 145–145об.
- ⁶¹ Там же. Л. 255.
- ⁶² Там же. Л. 196–196об.
- ⁶³ Там же. Л. 197.
- ⁶⁴ Там же. Л. 255–255об.
- ⁶⁵ ПСЗ. Т. 9. № 7070. С. 943–948.
- ⁶⁶ ПСЗ. Т. 10. № 7364. С. 257–258.
- ⁶⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 240. Л. 263–264.
- ⁶⁸ Там же. Д. 241. Л. 67.
- ⁶⁹ Там же. Л. 147.
- ⁷⁰ Там же. Л. 160–161.
- ⁷¹ Там же. Д. 242. Л. 327.
- ⁷² Там же. Д. 244. Л. 5.
- ⁷³ Там же. Д. 243. Л. 218.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 1. Д. 760. Л. 88–90об.
- ⁷⁵ Там же. Л. 88–88об.

- ⁷⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 161.
- ⁷⁷ Там же. Д. 762. Л. 4–6.
- ⁷⁸ Там же. Д. 756. Л. 51–56; Д. 760. Л. 163об.; Д. 756б. Л. 62.
- ⁷⁹ Там же. Д. 760. Л. 161об.
- ⁸⁰ Там же. Д. 857. Л. 109.
- ⁸¹ Там же. Д. 762. Л. 37–39.
- ⁸² Там же. Оп. 12. Д. 218. Л. 281–282.
- ⁸³ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 524.
- ⁸⁴ Там же. Оп. 12. Д. 220. Л. 45.
- ⁸⁵ Там же. Д. 232. Л. 200.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 773–777.
- ⁸⁷ Там же. Л. 520–520об.; 521–525.
- ⁸⁸ Там же. Д. 760. Л. 18–18 об.
- ⁸⁹ Там же. Д. 692. Л. 207–210.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 325. Л. 4–5.
- ⁹¹ Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 41. Л. 638.
- ⁹² Там же. Оп. 1. Д. 756. Л. 57.
- ⁹³ Там же. Д. 907. Л. 119–128.
- ⁹⁴ Там же. Л. 133–136.
- ⁹⁵ Там же. Оп. 12. Д. 43. Л. 502–505.
- ⁹⁶ Там же. Д. 44. Л. 273–274.
- ⁹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 907. Л. 84.
- ⁹⁸ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 325. Л. 2–5.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 283. Л. 270–271.
- ¹⁰⁰ Там же. Оп. 1. Д. 760. Л. 22об.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 907. Л. 84–85.
- ¹⁰² Там же. Л. 86.
- ¹⁰³ Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск, 1974. С. 53.
- ¹⁰⁴ Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. С. 116.
- ¹⁰⁵ Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири... С. 54.
- ¹⁰⁶ Цит. по: Нечаев Н.В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944. С. 37.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 36–37.
- ¹⁰⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. Л. 436.